

ВЕЛИКАЯ СМУТА

Исторический роман-хроника

ВСТРЕЧА

(7116 годъ от С. М — 1607 год от Р. Х.)

I

Божьим ли промыслом, своим ли умением, сказать трудно, но только вырвалась из калужской осады рать Болотникова, разгромила каиново войско Шуйского, рассеяла рать московскую, как разбрасывает стаю воробьев брошенный в них камень. В осаде изголодавшиеся, измученные, озлобленные на весь белый свет, рубились вора яростно, ни боли, ни ран своих не замечая, ликуя лишь на миг при виде смерти поверженного противника и тут же ожесточенно бия следующего.

Преследовать бежавших в страхе москвитов они, однако, не стали. Бросились по оставленным избам искать припасы, жуя на ходу пшено и муку, мерзлый лук и добытые прямо из кадушек плохо просоленные грибы.

Хозяева в большинстве своем не спорили, отчасти из-за страха, отчасти от радости — кто как относился к болотниковцам. Нашлись из посадских охочие помочь вора. Десятка два таких побежало к царскому наряду и встало на страже у оставленных пушек и порохового зелья на случай, если ратники Шуйского опомнятся и захотят пушки отбить.

Мартовская оттепель была в разгаре: снег на открытых местах сошел, а на солнцепеках земля была даже сухая, пылила под копытами коней из-под прошлогодней травы. В затихшем после боя небе пел неожиданно ранний жаворонок.

— Любо мне поле, — выдохнул Болотников полной грудью. — Еще бы два дня за стенами — и, кажется, умер бы... — вздохнул с наслаждением и закончил: — Как вина напился!

Едущие с ним рядом казаки почтительно молчали. Почерневшие от голода лица их выражали непонимание слов своего вождя о воздухе, когда совсем рядом, в каком-нибудь доме, едят и пьют.

Болотников почувствовал это и сказал:

— Ступайте и поищите поесть. Только много сразу не хватайте, животы попортите.

Махнул рукой — и всадников будто ветром сдуло. А Болотников поехал к стоящему против Никитских ворот наряду, увидел там стражу, узнал, кто такие, и, удивившись, похвалил.

— Моих ратников уж простите, калужане, — добавил. — Не со зла они про пушки эти забыли. С голодухи, — и тут же с гордостью в голосе: — А Шуйских все-таки побили!

Мужики согласно засмеялись, попросили Болотникова взять их в свое воинство — очень, оказывается, сердиты калужане на москвитов, набезобразничавших здесь за три месяца больше, чем татары на Руси за двести лет.

— У меня по доброй воле служат, — сказал в ответ Болотников. — Ни силой, ни деньгами никого не удерживаю. Лишь бы знали и верили, что правому делу служим мы, и... не предавали.

Последнее слово далось ему с трудом: вспомнились разом и Пашков, и Ляпунов, и Сумбулов, и каширские стрельцы. Их предательство послужило причиной поражения под Москвой. А ведь победа была так близко! Будь его полки тогда в вере своей в царя Дмитрия тверже — не было бы уж в Москве ни Шуйского, ни иных бояр, не пришлось бы честным ратникам отсиживаться зимой в Калуге.

— Да мы, батюшка, никогда и никого не предавали! — уверенно заявил огромный мужик с перевязанным через глаз лицом. — Мы завсегда были слову своему верны.

— Кроме как бабам, — вставил маленький крепкий мужичишка с лукавыми мелкими глазами и вздернутым на округлом, как блин, лице носиком.

Мужики грохнули согласным смехом так неожиданно, что жеребец под Болотниковым вздрогнул и запрял ушами.

— Любишь баб? — спросил мужичишку Болотников.

— А кто ж их не любит? — ответил круглолицый. — Особенно если чужая, да в избе тепло, да с печи никто не подсматривает.

Мужики опять засмеялись.

— Острослов ты, я вижу.

— Не обращай внимания, Иван Исаевич, — сказал одноглазый великан. — Одно слово: Тимошка. Он может целый день потешать. Скоморох, словом.

— Знаешь меня? — удивился Болотников.

— Так с кем еще будет столько казаков в охране ездить? — ответил великан. — Ты в войске Дмитрия Ивановича главный воевода. Как князь Иван Иванович у царя Василия.

— Смотрю я, ты тоже любитель поговорить.

Тут решил и Тимошка вставить слово:

— Знаешь былинку про Никиту-кожемяку? Так это он и есть. Тоже Никитой зовут, тоже кожемяка, только калужский.

Мужики опять в смех. Улыбнулся и Болотников.

— Что ж... будем знакомы, — сказал. — Вижу, что наряд в добрых руках, — и поехал дальше, не слушая дальнейших зубоскальств маленького, говорящего что-то о пушке и подружке.

Хоть и победил Болотников нынче, на свободе гуляет, а нет радости на душе главного воеводы. Думы, терзавшие его еще под Москвой, мучили и теперь. Сомнения, вначале смутные, превратились в твердую уверенность.

Нет, не Дмитрия-царя видел он в Самборе¹, не от государя всея Руси получил звание главного воеводы. Слишком уж не похож осторожный человек с внимательным изучающим взглядом по повадкам своим и по манере разговор вести на тех влиятельных особ, которых встречал Иван Исаевич во время своих бесконечных скитаний по свету...

Татарский паша Бекет, к которому приволокли раненного в бою под Ельцом Болотникова, был ростом невелик, как и самборский лжецарь, а видно было не по одежде даже, а по осанке, по движению каждому, что не простой он человек. Так умел держать себя Бекет в гуще самой разношерстной татарской толпы, что ни один из пленных не сомневался, что от слова именно этого брюхача зависит и будущее их, и сама жизнь...

«Ти!.. — сказал паша по-русски, чуть скосив один глаз в сторону висящего на руках джигитов Болотникова. — Ти сильный. Ти бит рап».

Слов тех Болотников сразу не понял, но смысл ясен был, как приговор: «Ты будешь моим рабом...»

А этот самборский человек с царской печатью в руке, которой он оттиснул герб на разогретом и прищуренном к бумаге воске, говорил с Иваном Исаевичем о предательстве Шуйского и страданиях земли русской так, как говорит человек о том, что хочет поспать либо поесть. Даже о желании своем бабой воспользоваться говорят с большим чувством...

И вдруг Болотникова что-то смутило в собственных мыслях. Что-то продумал он сейчас, но сразу не оценил... Что? О чем он думал только что?.. А может, то не мысль была, а какое-то слово?

Навстречу Ивану Исаевичу из крепостных ворот выехал Юрий Беззубцев — верный казачий атаман, сумевший из окруженного царскими войсками Заборья выскользнуть живым и найти болотниковское войско.

— А я разыскиваю тебя, Иван Исаевич, — сказал казак, осадив коня в паре шагов от Болотникова. — Куда ты пропал? Думал уж: не то убило тебя, не то увлекся ты преследованием, как молодой.

Красивое смуглое лицо, подстриженная с проседью борода Беззубцева вызывали у Болотникова симпатию. Когда после боя при Котлах прошел слух, что Юшка Беззубцев делу царя Дмитрия изменил, не поверил Болотников. И был очень обрадован, когда увидел лихого атамана по-прежнему аккуратно подстриженным и чистым во главе казацкого отряда, догнавшего его под Серпуховым. «Я думал, — сказал тогда Беззубцев, — ты по Тульской дороге пойдешь. И оказался прав». При уходе из Заборья атаман потерял половину своего полка, был ранен в руку, до сих пор держит ее осторожно.

— А здорово мы их! — восхищенно произнес Беззубцев. — Сразу за все! Теперь бы до самой Москвы гнать, чтобы не опомнились.

— С кем? — охладил его пыл Болотников. — Тысяч десять войска едва наберем. Все голодом измучены. Сегодня большая часть обьестся, три дня блевать да поносить будет.

Тронул круп коня плеткой, поехал к воротам города. Беззубцев рядом.

— Так и отпустим? — спросил атаман. — Не добьем?

— Нет, — покачал головой Болотников. — Не получится добивать. Они теперь по лесам растекутся, а после еще и в спину ударят. Думаю я, что князь Иван Иванович уже под Малоярославцем нам встречу готовит. А мы на Тулу пойдем. К царевичу Петру.

И вновь подумал: «Чего это я такое в своих мыслях пропустил?.. Почему это так важно для меня?..»

Подковы звонко зацокали по каменным плитам Никитских ворот.

2

Путь от Калуги до Серпухова дня два с половиной. Но рать Болотникова ползла по дороге так, будто собиралась пройти за месяц. Устали люди. Верховые — и те норовили с коней слезть, на телеги взгромоздиться. А кто пешком шел — тот и вовсе занят был либо мыслями о том, как ноги не трудить, либо где поудобнее присесть, спустив штаны. Ибо дристали так, будто спорили, у кого громче прозвучит. Поначалу еще стеснялись друг друга, с дороги отходили, за деревьями да кустами прятались. А потом как-то притерпелись. Идет какой-нибудь переевший с голодухи грибов, вдруг остановится, полы кафтана задерет на голову, штаны спустит да тут же и сядет под ноги других. А те молча обходят, объезжают его. А если какой возница сдуру такого сидельца кнутом огреет — ему же сопатку набьют. Тяжело шли, словом, невесело.

В городах и селах придорожных никто телег и коней не давал и за деньги. А грабить, отбирать крестьянское добро Болотников запретил. Так что ратники его, памятуя о людях смертях, принятых мародерами от рук палачей Ивана Исаевича, и не помышляли нарушать приказ. Шли и шли, уставив взгляды

в землю, изредка поднимая глаза в надежде увидеть впереди какой-нибудь знак, обещающий конец пути, да так и не видели...

Болотников с Беззубцевым ехали чуть позади передового отряда (на каждом переходе он менялся) и чуть впереди запряженных в двойки да тройки пушек. Разговаривали. Точнее, говорил в основном Иван Исаевич, почувствовавший во время похода прилив сил и подъем душевный. Рассказывал, то и дело отвлекаясь, чтобы выслушать сообщения сотников, следящих, как идет войско, давал распоряжения, а после вновь возвращался к истории своей прежней бурной жизни, странствиях и приключениях...

3

Паша Бекет велел продать зачинщика бунта русских рабов генуэзским купцам, имеющим в Кафре свои торговые ряды на базаре. Ивана Исаевича после пыток слегка подлечили, подкормили и отвели в цепях на невольничий рынок. После короткого торга заполучил его Франческо Мальпiero, имевший во владении своем не только два больших торговых судна, но и две боевые галеры для их охраны. На одну из таких галер и привели Болотникова.

Место Ивану Исаевичу досталось под верхней палубой, доски которой в хорошую погоду снимались, и гребущие невольники могли любоваться солнцем и облаками, а также вместе с плеточными ударами получать солнечные, ибо воду питьевую для гребцов жалели, говоря, что на берегу ее тоже дают не даром. Кормили же плохо. Зато длинными воловьей кожи бичами хлестали провинившихся подолгу и с наслаждением.

Плавали в основном вдоль берегов, в плохую погоду и вовсе уходили в гавань, за стоянку в которой, как не раз говорил сеньор Франческо, приходилось платить из купеческого кармана. И доскупердяничал Мальпiero до того, что в один из особенно жарких дней на борту вовсе не оказалось воды для невольников. Бичи взвивались в тот день чаще обыкновенного, но галера заметно отставала от спешащих в Порту торговых кораблей. Итальянские солдаты, сидевшие здесь же и с тоской следящие за узенькой полоской берега, иногда вставали и развлечения ради мочились на рабов.

В конце концов Болотников не выдержал издевательств, поймал на лету хлестающий кого-то рядом бич, вырвал из руки надсмотрщика и сломал рукоятку о колено. Бросил бич себе под ноги, сел на место.

Гребцы замерли. Еще никто на галере не требовал смерти так откровенно. Здоровенный детина-надсмотрщик, у которого вырвал бич Болотников, выпучил в удивлении глаза и пошел, сдуру не глядя, по ступеням вниз, чтобы тут же наказать наглеца. Но кто-то подставил ему под последней ступенькой ногу, и детина рухнул лицом и брюхом в зловонные доски прямо к ногам Ивана Исаевича.

Вот тут-то Болотников впервые по-настоящему убил человека. Он набросил свои кандалы на шею надсмотрщика и, пересиливая отвращение, задушил верзилу железом.

Второй надсмотрщик в это время отдыхал в тени и пил воду. Поэтому ни он, ни солдаты не видели, как Болотников подтащил мертвеца к себе, снял висящий у того на поясе ключ и отомкнул кандалы на собственных запястьях и на левой щиколотке. (На деревянных галерах как-то не повелось заковывать рабов на горячую клепку из-за боязни пожара и из-за того, что прослабленную клепку умелый раб может за две-три ночи перетереть). А как отомкнул, так приказал рабам не шуметь и передал ключ соседу. Встал с бичом в руке и пошел вверх по ступеням.

Но среди сорока собратьев по несчастью нашлось несколько таких, кто поднял крик и привлек внимание солдат. Когда Болотников, невзирая на шум, поднялся до верхней ступени, в грудь ему уперлись три пики. Иван Исаевич постоял мгновение и шагнул вперед, на острия...

Быть бы ему мертвому и кормить своим мясом рыб, да увидел стоящий на мостике капитан отважного раба с бичом в руке, стоящего без дрожи против трех пик и трех мечей, крикнул солдатам, чтобы не трогали дурака, пропустили на верхнюю палубу.

Опустили солдаты пики. Шагнул Болотников вперед.

Выбежал из-под навеса второй надсмотрщик, крикнул вниз, чтобы выкинули ему ключи от кандалов. Выкинули рабы ключи. Никто не воспользовался возможностью освободиться...

А Болотникова оставили на верхней палубе со сломанным бичом в руке и предложили сразиться с одним из солдат насмерть. В случае победы, сказал капитан, получит Иван Исаевич воды вдоволь.

Болотников победил вооруженного татарской кривой саблей солдата. Ибо с детства был воспитан на боярском дворе князя Телятьевского боевым холопом, который должен уметь управляться с вооруженным противником и голыми руками. Позволив солдату увлечься щелкающим и неустанно двигающимся кнутом, Иван Исаевич приблизился к итальянцу на расстояние вытянутой руки и двумя ударами обезоружил его. После сделал мертвый захват за шею, уперся коленом в позвоночник и глянул на капитана: ломать?

Засмеялся капитан, но убивать солдата не позволил. А как напился Болотников воды вдоволь, велел невольника опять в цепи обрядить да спустить в трюм, в самое глубокое место галеры, куда со всех щелей стекается вода, и даже крысы боятся спускаться.

Обязанностью Болотникова стало собирать гнилую воду в кожаный мешок и привязывать хурджун к веревке. Второй конец веревки уходил наверх. Таким образом здесь следили за тем, чтобы в трюме всегда было сухо. Невольники, работавшие в этой яме, не выдерживали и двух месяцев.